

Ю. Л. Аркан, Е. И. Наумова

КУЛЬТУРФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ТЕОРИЙ: К ВОПРОСУ ОБ УТОПИЧЕСКОМ РОМАНТИЗМЕ

Аннотация: Статья представляет собой исследование в области исторических и гуманитарных оснований экономических теорий. В культурфилософском плане авторами раскрыта перспектива становления экономических теорий начиная с таких противостоящих друг другу направлений, как меркантилизм и физиократия. Представлен анализ развития классической (С. Милль) и исторической (Ф. Лист) экономических школ через разработку таких понятий, как «свобода торговли» и «государственное управление экономики», фундирующих два типа политической экономики, а именно народную и национальную виды экономики. Раскрыт смысл концепции философского и экономического историзма второй половины XIX в., где особое внимание уделено роли социально-экономической утопий (К. Мангейм, С. де Симонди, А. де Сен-Симон) и их связи с романтизмом как противостоящих проекту рационально-либеральных утопий, воплощающих капиталистическую идеологию.

Ключевые слова: экономические теории, утопия, идеология, капитализм, историзм.

Abstract: This paper presents a research in the field of historical and humanitarian reasons of economic theories. The authors disclose the perspective of developing of economic theories in cultural-philosophical terms, starting with such opposing directions as mercantilism and physiocracy. We have deal with the analysis of the classical (S. Mill) and historical (F. Liszt) economic schools through the development of such concepts as «free trade» and «economic governance» which fund two types of political economy, namely, the people's and national types of economy. The article discloses the meaning of the concept of philosophical and economic historicism of the second half of XIX century with special attention paid to the role of social and economic utopia (K. Mannheim, S. de Simondi, H. de Saint-Simon) and their relationship with romanticism as opposed to the project of rational-liberal utopia implementing the capitalist ideology.

Keywords: economic theories, utopia, ideology, capitalism, historicism.

Настоящая статья не носит эвристического характера, а делает попытку критического суждения о проблемах экономики и открывает возможность отыскать ее гуманитарные основания, которые сегодня глубоко затерялись за бастионами экономических формул и графиков. Основной тезис статьи состоит в том, что экономика как практиче-

© Ю. Л. Аркан, Е. И. Наумова, 2013

ская сфера жизни реализуется через человека, группы людей, власть, политику, эстетику, культуру и напрямую не связана с математическими методами прогнозирования и оценки текущих экономических ситуаций. Авторы, относя себя к сторонникам известной школы Анналов и, в частности, придерживаясь учения Фернана Броделя, считают, что экономика по своей сути не является сегодня естественнонаучным знанием, а всего лишь использует математический аппарат для описания некоторых гипотез, которые не находят подтверждения в реальной экономической жизни. Авторы поддерживают и продолжают развивать взгляды ученых-философов, историков и экономистов, которые в той или иной степени применяли и применяют «миросистемный анализ» к анализу развития капитализма, таких как Э. Валерстайн, Дж. Арриги и т. п. Статья является историческо-методологическим предисловием для обоснования концепта «долгого века» развития капитализма, который впервые был введен Фернаном Броделем и разработан в философско-экономическом учении Дж. Арриги и других мыслителей, в связи с чем авторы берут на себя труд представить набросок циклического развития капитализма, не вступая на почву исключительно экономических теорий.

Большинство людей считают экономику наукой более или менее точной, по крайней мере, ведущей поиски закономерностей во всех сферах хозяйственной деятельности людей. Множество учебников, излагающих те или иные экономические теории или обобщенные эмпирические факты прошлого и настоящего, предназначены, по мнению их авторов, для обучения, а также прояснения экономических закономерностей хозяйственной деятельности. Однако большинство профессиональных экономистов хорошо осведомлены о том, что ни один учебник и ни одна экономическая теория не способны дать ответа на возникающие ежеминутно вопросы, которые необходимо решать каждому из участников хозяйственной деятельности. Они (экономисты) говорят, что создают некую теорию, которая якобы обобщенно описывает поведение субъектов экономики в их хозяйственной деятельности. Более того, по умолчанию, все экономисты знают, что ни одна из исторически прошлых и новейших экономических теорий не дает ответа на вопросы, которые ставит хозяйственная жизнь и, более того, даже не указывает однозначно правильного направления их действий и решений. Такая исследовательская деятельность похвальна и может быть даже очень полезна, если бы не одно, весьма специфическое свойство таких теорий: их попытка предсказывать будущее поведение хозяйствующих субъектов! И что является самым примечательным, что такое методологическое провиденциальное поведение экономистов повсеместно приветствуется и поощряется, вплоть до присуждения Нобелевских премий.

Попытаемся разобраться в том, что закладывается в основу большинства экономических теорий. Методы современного экономического исследования сложились под воздействием их старшего собрата — естественнонаучного метода. В некоторых отношениях это помогло развитию экономических наук, но в других — задержало их. Попытка закладывать в основание экономических наук позитивистские и неопозитивистские, марксистские и неомарксистские идеи привела к тому, что экономическая наука перешла в разряд естественнонаучного исследования, с его поиском «природных» «вечных» экономических законов. Увлечение экономистов поисками «строго на-

учных» решений и теорий с применением математических методов достигло апогея в Советском Союзе с начала 60-х и до конца 80-х годов прошлого века. Это увлечение «математическими методами» в экономике не прошло до настоящего времени и в странах Запада, ибо чем объяснить, например, присуждение Нобелевской премии в области экономики двум американским экономистам Роберту Мертону и Майрону Скоулзу уже на излете XX в. за работы в области методов оценки вторичных ценных бумаг и рисков и разработку обобщенной «формулы Блэка — Скоулза».

Позитивистская псевдоконцепция — не только заразная болезнь современных экономических теорий, но и постоянная угроза самой экономической мысли. В той мере, в какой экономисты поддаются ей, они не занимаются собственным делом — проникновением во внутренний мир экономики, мир экономических решений, а ограничиваются определением внешних обстоятельств этих действий, т.е. теми вещами, которые могут и должны изучаться статистически. Статистические же исследования для экономики — хороший слуга, но плохой господин. Статистические обобщения ничего не дают экономике до тех пор, пока она (экономика) с их помощью не выявляет мысль, стоящую за обобщаемыми ими фактами.

В настоящее время экономическая мысль еще не освободилась от позитивистского заблуждения и не признала, что экономика — это не что иное, как целостное воспроизведение мысли прошлых экономических взглядов и теорий в сознании экономиста, опрокинутое в действительность. О провиденциальной стороне экономики говорить не приходится, ибо хорошим экономистом-прогнозистом может считаться тот, кто хорошо понимает не экономические закономерности, а «дух народа» и его (духа) совпадение или несовпадение с представлениями о нем правящей элиты. Во всяком случае, правильность экономического прогноза мало зависит от знания экономических теорий, а более всего — от знания экономистом духа народа и его (духа) взаимодействия с представлениями правящей элиты о своем народе. На макроэкономическом уровне прогнозы возможны лишь на медитативном уровне, такие прогнозы, конечно же, нельзя считать естественнонаучными и даже вообще научными.

При построении экономических теорий все еще в ходу самые разные виды заблуждений, порождаемых смешением экономического процесса и природного. К ним относятся не только очень грубые ошибки, когда экономические факты культуры и традиций считают производными от таких биологических фактов, как раса и наследственность, но и более тонкие заблуждения, влияющие на методы исследования и организацию экономического поиска. Перечисление последних заняло бы слишком много времени. Только после того, как все эти ошибки будут устранены, мы сможем решить, в какой мере экономическая мысль, обретя наконец присущие ей формы и характер, будет в состоянии построить науку о «хозяйственной стороне» природы человека.

В Европе XVII и начала XVIII в. проходили разнонаправленные, но тесно связанные между собой рыночные процессы — развитие мануфактуры на Западе и закрепощение крестьян на Востоке. В Англии, при полном исключении из политической жизни основной массы народа, утвердились некоторые институты парламентской демократии. В остальной части континента развитие шло в противоположном на-

правления — резкого укрепления позиций абсолютизма, которому удалось, опираясь на вновь созданные постоянные армии и строго централизованную бюрократию, содержащиеся в значительной мере за счет материальных ресурсов капиталистического уклада в экономике, ликвидировать сепаратизм феодальных магнатов, ограничить или даже свести на нет автономию провинциальных сословных учреждений, права религиозных меньшинств. Сдвиги в социальной сфере способствовали секуляризации жизни образованной части общества при сохранении традиционной роли церкви, изменению космологических воззрений, «научной революции», распространению Просвещения в качестве идеологии эпохи.

Речь идет об одном из переломных периодов европейской истории, когда ее течение совершило резкий поворот от изживших себя феодальных порядков старого режима к новому общественному строю — капитализму. Мощным ускорителем разложения традиционных и становления новых хозяйственных форм стал сложившийся к тому времени капиталистический рынок в Европе, посредством которого разрушалась былая хозяйственная замкнутость отдельных стран и регионов. Однако капиталистическая мануфактура в то время еще не имела количественного преобладания над преимущественно докапиталистическими формами общественного производства¹.

Глубокими и необратимыми в период мануфактурного капитализма были перемены в духовной жизни европейских народов. Наиболее крупным интеллектуальным сдвигом стала секуляризация взглядов европейцев как на природу, так и на общество: утверждение естественнонаучной системы воззрений, базирующейся на успехах математики и механики. Суть этого эпохального переворота в общественном сознании европейских народов наиболее ярко проявилась на завершающем этапе «научной революции», отмеченной именами И. Ньютона, Дж. Локка и И. Канта. Огромная дистанция разделяет основы мировоззрения людей, живших в середине XVII в. и естественнонаучные представления поколения, которое было современником падения Бастилии. Столь же глубокими были изменения в господствующих философских, экономических и социально-политических взглядах.

Просвещение остро ощущало свое место в историческом процессе, в определении человечеством своего отношения к прошлому и в ориентации на будущее. На излете самой эпохи ей была дана итоговая оценка выдающимся мыслителем, философом И. Кантом: «Просвещение — это выход человека из состояния своего несовершеннолетия, в котором он находится по собственной вине. Несовершеннолетие есть неспособность пользоваться своим рассудком без руководства со стороны кого-то другого. Несовершеннолетие по собственной вине — это такое, причина которого заключается не в недостатке рассудка, а в недостатке решимости и мужества пользоваться им без руководства со стороны кого-то другого. Sapere aude! — имей мужество пользоваться собственным умом! — таков, следовательно, девиз Просвещения»².

¹ Подробнее см.: История Европы: в 5 т. Т. 4. Европа Нового времени (XVII–XVIII вв.). М., 1994.

² Кант И. Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. М., 1963–1966. С. 27.

В те времена, когда экономика еще не выделилась в особую сферу деятельности, объектом познания служили решения повседневных задач хозяйственной деятельности, установление принципов и норм ведения хозяйства, государственные доходы, пути обеспечения общих нужд государства³. Первая законченная теория международной торговли — доктрина меркантилизма, занимала ведущее положение в экономической науке в XVI–XVIII столетиях. Меркантилизм был теоретической основой экспансионистской политики, проводимой Великобританией в тот период времени и укрепления военного могущества государства; ее представители — Томас Мэн, Самуил Фортрей и др. Наряду с меркантилизмом приблизительно тогда же имела распространение школа физиократов, к которой обычно относят Анн-Роберта-Жака Тюгро, Пьера Буагильбера, Франсуа Кенэ, которые переключили свое внимание из сферы торговли в сферу производства. Основой организации и функционирования экономики физиократы считали естественный порядок.

XVIII столетие было веком торговли. Интенсивный рост внешней торговли не должен заслонять менее впечатляющее увеличение торговли внутренней, происходившее несмотря на множество стесняющих ее препятствий. Развитие внутренней торговли, как правило, не фиксировалось никакой статистикой, однако самые разнообразные источники говорят о повсеместном росте местных и региональных рынков, что отражало крайне неравномерное в разное время и в разных районах Европы усиление позиций буржуазного уклада. Первые две трети XVIII в. были временем более быстрого развития внешней торговли по сравнению с развитием мануфактуры. Концентрация капитала в торговле, как правило, по-прежнему обгоняла его концентрацию в промышленности. Капиталы верхушечных слоев буржуазии были заняты преимущественно вне промышленности — в торговле, судостроении, банковском деле, не говоря уже о таких непроизводительных сферах, как откуп налогов, государственные займы, покупка государственных должностей. Главным перевалочным пунктом в заморской торговле стал Лондон. Английская столица сменила в этой роли голландский порт Амстердам. На этом экономическом фоне появилось экономическое учение, которое позже стало называться «классическим».

В отличие от физиократов, которые считали, что экономический строй — это система, которую должен открыть творческий ум, а властитель утвердить, Адам Смит исходил из того, что ни изобретать, ни создавать хозяйственный строй нет необходимости. Такой строй существует. В основе хозяйственного механизма находится и действует «экономический человек». В погоне за собственной выгодой он направляется «невидимой рукой» к достижению такого результата, который и не входил в его намерения. Преследуя собственный интерес, человек способствует общей выгоде. Смит полагал, что экономической деятельности индивидуумов не надо препятствовать, не следует ее строго регламентировать. Он выступал против излишних ограничений со

³ Подробнее см.: *Шумпетер И.* История экономического анализа // Истоки: вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. Вып. 1. М., 1989; Античный способ производства в источниках. Л., 1933; *Аристотель.* Никомахова этика // Аристотель. Соч.: в 4 т. Т. 4. М., 1983; История экономических учений / под ред. В. А. Жамина, Е. Г. Василевского. Ч. 1. М., 1989.

стороны государства, за свободу торговли, в том числе внешней, за политику фритредерства, против протекционизма⁴. Государство лишь призвано создавать правовые основы экономической деятельности.

Влияние Смита сказалось не на одной экономической школе, практически оно коснулось нескольких из них: рикардовской школы (трудовая теория стоимости); тех школ и отдельных экономистов, которые разрабатывали проблемы цены и ценообразования в рамках теории спроса и предложения (школа Маршала) или на основе потребительской ценности товаров (австрийская школа), тех, кто исследовал влияние и взаимодействие факторов производства (Ж.-Б. Сей). Экономическая доктрина Смита находилась в центре внимания и противников классической школы, выступавших против чрезмерной формализации экономических теорий (историческая школа, институционализм)⁵.

Представители классической школы (Т. Мальтус, Ж.-Б. Сей, Дж.С. Милль), пришедшие на смену меркантилистам во второй половине XVIII — первой половине XIX в., стремились согласовать позиции Смита и Рикардо, других представителей «классиков» и в известной степени подготовили почву для формирования неоклассической школы в экономической науке. Милль был не только синтезатором идей классической школы, что, пожалуй, главное в его наследии, но и выдвинул ряд идей: развитие теории спроса и предложения, теории международной торговли, разработка методологических основ политической экономии, которые вошли в арсенал мировой экономической науки⁶.

Увлечение универсальными схемами и законами функционирования экономики нередко сопровождалось игнорированием национальных особенностей, многообразия условий развития отдельных стран, как считали представители исторической школы. В большинстве работ и учебников по экономической теории и истории экономических учений либо замалчиваются, либо безосновательно критикуются работы представителей исторической школы якобы потому, что они не вправе претендовать на создание стройной, логически взаимосвязанной теории; они размыкают чисто экономическую сферу отношений, уходят от обобщения и анализа экономических процессов и зависимостей в историю, социологию, политику и философию.

Экономическая наука, считали представители исторической школы, такие как Фридрих Лист (1789–1846), Вильгельм Рошер (1817–1894), Бруно Гильдебранд (1812–1878), Карл Книс (1821–1892), не может двигаться и обогащаться лишь в одном, заранее определенном, строго очерченном направлении, так как со временем, меняются проблемы, задачи и способы их решения. Всякая же односторонность ведет к перекосам, ошибкам и заблуждениям: универсализация экономических теорий неизбежно ведет к игнорированию национальных особенностей, многообразия условий развития отдельных стран. Основоположником немецкой исторической школы счи-

⁴ *Смит А.* Исследование о природе и причинах богатства народов // Антология экономической классики: в 2 т. Т. 1. М., 1993.

⁵ *Агапова И. И.* История экономических учений. Лекция 3. М., 1997. 96 с.

⁶ *Милль Дж. С.* Основы политической экономии: в 3 т. М., 1980–1981.

тается немецкий экономист, политик и публицист Фридрих Лист. Универсальная и схоластическая концепция классиков, по мнению Ф. Листа, совершенно не пригодна для практического использования, нормальная экономическая «система должна опираться на достоверные исторические факты». Экономическая теория «призвана разъяснять истинные национальные интересы, а не забивать головы практиков различными доктринальными соображениями»⁷. В своем основном труде «Национальная система политической экономии» (1841) Фридрих Лист разъяснял, что пропаганда свободы торговли, которая содержится в работах классиков, отвечает лишь национальным интересам Англии, ибо английские купцы покупают сырье и продают предметы мануфактурного производства, что подрывает не окрепшую промышленность Германии при отсутствии запретительных пошлин. Германские княжества в начале XIX в. были отделены друг от друга таможенными заставами, но, что парадоксально, по отношению к соседним государствам никаких пошлин не существовало, а англичане отгородили свой внутренний рынок от немецкой сельхозпродукции с помощью так называемых хлебных законов.

Основная идея, заложенная в работе Ф. Листа «Национальная система политической экономии», состоит в трех основных принципах: для достижения совершенных результатов в экономике «необходимо, чтобы различные индивидуумы были объединены умственно и материально и находились во взаимодействии». Нация, представляет собою единое целое: она результат предшествующего развития — ее истории, открытий, традиций, опыта, знаний и усовершенствований. Каждая нация является производительной настолько, насколько она сумела усвоить наследие прежних поколений и увеличить его собственными приобретениями, насколько естественные источники, пространство и географическое положение ее территории, численность населения и ее политическое могущество дают ей возможность развивать в высокой степени и гармонично все «отрасли труда» и распространять свое нравственное, умственное, промышленное, торговое и политическое влияние на другие отставшие нации и вообще на весь мир. Задача политики, по Листу, объединить людей и обеспечить экономическое воспитание нации, это создаст условия для подъема производительных сил, который «начинается с отдельной фабрики и затем распространяется до национальной ассоциации». Надо поддерживать национальных производителей, пока они ни окрепнут и перестанут бояться иностранной конкуренции.

Согласно учению Листа, все нации проходят состояние «дикости», затем преобладает «пастушеский быт», далее в своем движении они проходят «земледельческое», «земледельческо-ремесленное» состояние. В итоге нации переходят в заключительную стадию, в которой гармонично развиваются сельское хозяйство, промышленность и торговля — «земледельческо-мануфактурное и коммерческое состояние». Каждой стадии, согласно теории Листа, должна соответствовать присущая ей экономическая политика, направленная на подъем производства, развитие производительных сил нации. Этот тезис как раз и направлен против универсальных рецептов классиков. Их проповедь свободы торговли в то время отвечала интересам Англии,

⁷ Лист Ф. Национальная система политической экономии. СПб., 1891. С. 32.

но противоречила интересам экономически не окрепшей и политически раздробленной Германии.

Ф. Лист был сторонником активной экономической политики государства, он писал, что нельзя понять народное хозяйство как органическое целое, если исключить из него самое большое хозяйство, которое так непрерывно и так неотразимо влияет на все остальные хозяйства, — государственное хозяйство. «Народная экономия становится национальной экономией в том случае, когда государство или федерация охватывает целую нацию, обладающую самостоятельностью, способностью приобрести устойчивость и политическое значение». Во имя долгосрочных и коренных интересов нации государственная власть должна согласовывать и направлять усилия отдельных звеньев национального хозяйства. Лист в своих работах показал влияние политического единства и государственного управления на экономическое развитие, на прогресс национального производства и умножение национального богатства.

Историческая школа в экономике сформировалась в Германии — в стране, в то время экономически отсталой по сравнению с Англией, но с прочными традициями исторических и философских исследований. Теоретиков исторической школы объединяет, во-первых, негативное отношение к доктринальным положениям классической школы; во-вторых, при всех различиях во взглядах и тематике в работах «историков» предпочтение отдается изучению национального хозяйства с учетом его исторического развития, на основе сопоставления отдельных форм и деталей.

Историзм в философии и экономике складывался постепенно, уже в XVIII в. в философии истории формировались предпосылки для различных вариантов последующего философского и экономического историзма. В числе таких предпосылок, помимо «феодалного историзма» и «исторической школы права», были представления Монтескье об исторической обусловленности общественных институтов — политических и правовых форм — «духом законов» и «духом народов», выводы Руссо об исторических изменениях «природы человека» (ранее считавшейся вечной и неизменной) и критика им «цивилизованного состояния», схемы исторического прогресса Тюрго и Кондорсе, «вечная идеальная история» Вико, теория «культурно-исторического процесса» Гердера, «культурологические» построения Шиллера и др. В первой половине XIX в. оформились гегелевский, романтический, и марксистский, позитивистский, эволюционный историзм, появилась и историческая школа в экономике.

Бурная интеллектуальная и общественная жизнь конца XVIII — начала XIX в. дала начало многим философским и социально-экономическим направлениям; распространились социально-экономические утопии: Уильяма Томпсона, Джона Грея, Анри де Сен-Симона, Шарля Фурье, Роберта Оуэна, Жана Сисмонда де Сисмонди — как проявление идей социализма, некоей смеси рационализма и социального романтизма. Возникновение утопий было во многом связано с неприятием тех негативных черт, которые продемонстрировал бурно развивающийся капитализм с его буржуазным укладом жизни, нарастающим неравенством людей, жестокой эксплуатацией, в том числе детей, и ростом во все расширяющихся масштабах «деклассированных» и «маргинальных» групп из представителей всех слоев общества. Попробуем разобратся с вопросом: что такое утопия в общем виде?

В своей самой знаменитой книге «Идеология и утопия», вызвавшей некогда многолетнюю оживленную полемику между его критиками и сторонниками, Карл Мангейм не занимался анализом и обсуждением того, кто и как понимал утопию и идеологию до него. Он предпочел сразу уведомить читателя, какие значения он придает этим понятиям. Его дефиниции уместно воспроизвести лишь с небольшими сокращениями: «Утопичным является то сознание, которое не находится в соответствии с окружающим его “бытием”». «Однако не каждую ориентацию, не соответствующую данному “бытию”, трансцендентную по отношению к нему и в этом смысле “чуждую действительности”, мы назовем утопичной. Мы будем считать таковой лишь ту “трансцендентную по отношению к действительности” ориентацию, которая, преобразуясь в действие, частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»⁸.

Ограничивая утопическое сознание рамками той трансцендентной по отношению к реальности ориентации, которая взрывает существующий порядок, мы установили главное различие между утопическим и идеологическим сознанием. Можно ориентироваться на далекие от действительности, трансцендентные бытию факторы и тем не менее стремиться к сохранению или постоянному репродуцированию существующего образа жизни. «Утопичной же подобная, не соответствующая бытию ориентация становилась лишь тогда, когда она действовала в направлении, неизбежно ведущем к уничтожению существующей “структуры бытия”»⁹. Иными словами, идеология, даже выходя за пределы и противостоя наличной общественной реальности, в принципе может быть интегрированной в нее, тогда как утопия — не может. Стоит сразу же заметить, что трактовка Мангеймом идеологии в сравнении с марксовской «критикой идеологий», да и с другими работами по этой проблематике, выглядит несколько односторонней и «плоскостной». Но поскольку в данном контексте об идеологии речь не идет, это может быть оставлено без комментариев. Что же касается утопии, то ее дефиницию можно признать удачной в той мере, в какой она фиксирует главное необходимое и достаточное качество социальной утопии — ее нереализуемость в данной общественной системе. Все другие уточняющие и дополняющие определенности утопического сознания будут относиться к специфическим типам, видам и формам утопического сознания. Нетрудно видеть, однако, что романтическое сознание в соответствии с дефиницией утопии Мангейма и ее конкретизацией изначально утопично. Но оно таково и согласно другим определениям утопии.

Как известно, Ф. Энгельс в работе «Развитие социализма от утопии к науке» противопоставлял утопический социализм научному социализму. Оба несовместимы с существующей капиталистической общественной системой, «взрывают» ее и потому, в терминологии Мангейма, являются утопиями. По мысли Энгельса, научный социализм основывается на объективном познании законов общественного развития,

⁸ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 113 (более полный перевод — Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994).

⁹ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 113.

он не только может быть, но и необходимо будет осуществлен практически. Этим он отличается от утопического социализма, не опирающегося на подобное знание и не имеющего шансов на осуществление. Объективное, по мысли Энгельса, различие утопического и научного социализма для его признания таковым предполагает, однако, и наличие «субъективного момента», т. е. согласия, что материалистическое понимание истории и марксистская теория научного социализма являются истинными. Предлагались и другого рода ограничения понятия утопии — уже с «субъективной стороны». Утопия, по первоначальному этимологическому значению, — это «место, которого нет», нечто не существующее. Если, мол, мыслитель полагает, что такое «место» не только не существует, но и в принципе неосуществимо, он утопист в полном смысле слова, тогда как проекты общественного переустройства, не сопровождаемые подобным убеждением, не должны считаться утопическими.

Существенно также, что для Мангейма в общей дефиниции утопии не важен временной вектор утопии. Поэтому утопия может быть обращена как в прошлое («консервативная»), так и в будущее («прогрессивная»), а то и без всякого временного вектора. Одним из интересных моментов в «Идеологии и утопии» стали сконструированные Мангеймом исторические типы, виды и стадии утопического сознания. Методология здесь та же, что и при конструировании идеальных типов вообще. Под «чистыми типами и стадиями утопического» Мангейм понимал не «метафизические сущности, пребывающие как бы вне сферы конкретного сознания индивида (подобные гегелевскому “духу”), а “конкретные структуры сознания” конкретных исторических индивидов»¹⁰, оговаривая, что «типы социально-исторического сознания никогда не воплощались в чистом виде в каком-либо одном человеке» и существовали «часто в соединении с элементами других типов»¹¹. В результате Мангейм в западной истории выделил четыре исторические формы (типа, стадии) утопического сознания: «оргиастический хилиазм анабаптистов»; «либерально-гуманистическая идея»; «консервативная идея» и «социально-коммунистическая утопия».

Может вызвать недоумение, что Мангейм считал консервативную и либеральную идею утопиями, а не идеологиями. Он не дает пояснений, но, следуя его логике, они могут быть как тем, так и другим. Идеология и утопия различены не столько по содержанию, сколько по их функции в отношении к исторически конкретной общественной системе. В буржуазном обществе может существовать и консервативная идеология, не подрывающая основ этого общества, в то время как феодальные консервативные идеи предстают в нем как лишенная возможности осуществления утопия. В феодальном обществе они были бы идеологией. И наоборот: либеральная идея для феодального общества утопия, но при достижении обществом определенной стадии либеральной демократии она может стать идеологией.

Если брать понятие «утопии» в смысле, близком Мангейму (в отличие от идеологии утопия не может быть интегрирована в данную общественную систему), то романтизм всегда утопичен (или антиутопичен). В этом смысле распространенные как

¹⁰ Там же. С. 127.

¹¹ Там же. С. 128.

в обыденном сознании, так и среди исследователей представления об изначальной утопичности романтизма, согласно которым всякий романтизм уже есть утопизм, вполне оправданны.

Спорными выглядят стремления «перевернуть» этот тезис таким образом, что не только всякий романтизм включает утопию, но и наоборот, будто бы всякая утопия романтична. То, что подобные предположения не оправдываются применительно к многообразным вариантам социальных утопий, складывавшихся и существовавших в прежние эпохи, вряд ли требует специальной аргументации. Трудно обнаружить романтическую составляющую элементов в социальных утопиях античности¹². Напрасно стали бы мы их искать и в привлекавших внимание многих исследователей XX в. хилиастических религиозных утопиях позднего Средневековья и Реформации¹³. Считающиеся «образцовыми» утопии Т. Мора и Т. Кампанеллы во многом порождены ренессансными концепциями «натуральной магии», равно как отчасти и сциентистская «Новая Атлантида» Ф. Бэкона. Они могут быть названы «романтическими» только при обыденном использовании слова «романтизм», когда с ним связывают все фантастическое, оторванное от реальности и практически не реализуемое. Утопический (и отнюдь не случайный) элемент налицо и в проектах оптимального государства, созданных в гражданско-правовой социальной философии (от Гоббса к Локку). (Прекрасный пример — «Политический трактат» Спинозы.) Либеральные и демократические «проекты» общественного устройства, будучи в той или иной мере утопичными, отнюдь не были романтическими.

Историки утопической мысли достаточно единодушны в том, что в большинстве прежних утопий (включая и религиозные утопии) основанием их были преимущественно моральные мотивы. Весь рационализм в социальной философии (включая просветительский), в той мере, в какой он противопоставлял существующей «неразумной» исторической действительности модели должной и разумной организации общества, которым противостояли любые тенденции оправдания реальных исторических порядков, неизбежно включал в себя элементы утопического сознания. Но именно в силу этого рационалистические утопии, как и рационализм в целом, были (как отмечалось выше) изначально неисторическими.

Более обоснованными, на первый взгляд, могут представиться стремления объявить романтическими все утопические учения, возникшие в Европе и Америке в XIX в., когда романтизм как культурно-историческое движение уже существовал, хотя и они не бесспорны. Именно такова позиция М. С. Кагана. Согласно ей, «формами утопического социализма являлись не только концепции К. А. Сен-Симона, О. Конта, Ш. Фурье, У. Морриса, А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского, но и идеи Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского и мечтавшего о «всеединстве» В. С. Соловьева... А разработанная К. Марксом и Ф. Энгельсом теория «научного коммунизма», якобы противопоставленная всем формам утопического социализма как романтическим

¹² Гуторов В. А. Античная социальная утопия. Л., 1989.

¹³ Мэнюэль Ф. Утопическое мышление в западном мире // Утопия и утопическое сознание. М., 1991. С. 21–48.

утопиям, не вышла за пределы утопического сознания»¹⁴. Тем самым для Кагана всякое утопическое сознание в ту эпоху было непременно романтическим. На деле же для объявления всех форм утопии в XIX в. утопическими нет достаточных как фактических, так и теоретических оснований. Рационалистические либеральные проекты, возникшие задолго до романтизма, сохранили свои прежние философские основания и с его появлением отнюдь не превратились в романтические. Главное, на какой мировоззренческой философской и теоретической основе формируется данная социальная или социально-экономическая утопия. Сен-Симон, Фурье и Оуэн, равно как К. Маркс, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, по своим мировоззренческим основаниям не были романтиками, и утопии их по сути не романтические. Это были идеи позитивистские, специальные политико-экономические, историко-материалистические, идеи крестьянского социализма.

Ко времени появления «Речей о религии» Ф. Шлейермахера (1800) романтическая «эстетическая идея» была дополнена столь же романтически понятой «религиозной идеей», в результате чего (по распространенному мнению) и сложился «ранне-романтический идеал универсальной культуры как некоей пантеистической религии гуманности»¹⁵. Однако первоначальный оптимистический энтузиазм длился недолго. Наступило разочарование и в идеалах переустройства жизни всего общества на эстетических началах, и религиозного обновления на базе романтически понятого религиозного чувства, равно как и во всей первоначальной романтической программе «образованности». Эстетическая «утопия для всех» внутри романтического движения утрачивает свою регулятивную роль, в лучшем случае превращаясь в «личное дело» избранных. Тем не менее она в разных ее формах и проявлениях сохраняется и позже в качестве существенного элемента романтической мысли, в том числе в трактовке роли эстетического созерцания и искусства А. Шопенгауэром, «эстетизации жизни» У. Моррисом и даже в «сверхчеловеке» Ф. Ницше.

Как справедливо напоминал В. Жирмунский, «понятие Золотого века — любимая историческая и философская идея XVIII века»¹⁶. Это был отнюдь и (в первую очередь) не только руссоистский вариант золотого века первобытной невинности. Для того же Руссо в первом его трактате аналогом золотого века стала древняя Спарта в противоположность Афинам. В античности искали золотой век Винкельман, Гете и Шиллер, позднее — Я. Буркхардт, Ф. Ницше и М. Хайдеггер. В ранний период — братья Шлегели начинали с романтической идеализации античности. Но наиболее последовательную и восторженную интерпретацию древнегреческого общества в качестве идеала для всех времен и народов создал в поэзии и в романе «Гиперион» Ф. Гёльдерлин. Не без оснований полагают, что среди романтиков, а возможно, и среди великих мировых поэтов он был, вероятно, самым стойким энтузиастом античности¹⁷.

¹⁴ Каган М. С. Введение в историю мировой культуры. Книга вторая. СПб., 2001. С. 199.

¹⁵ Михайлов А. В. Примечания // Шлегель Ф. Эстетика, философия, критика: в 2 т. / вступит. статья, пер. с нем. Ю. Н. Попова. Т. 1. М., 1983. С. 402.

¹⁶ Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1996. С. 114.

¹⁷ Берковский Н. Я. Романтизм в Германии. Л., 1973. С. 280.

Характеризуя «консервативную форму утопии», К. Мангейм подчеркивал, что она «может быть полностью понята лишь в свете ее борьбы с другими, сосуществующими с ней, формами утопии. Ее непосредственным противником является либеральная, переведенная в рационалистическую сферу идея. Если в последней ударение делается на долженствовании, то в консервативной идее — ударение ставится на бытии. Нечто именно потому, что оно есть, уже обладает высшей ценностью...»¹⁸. Утопизм действительно одна из существенных характеристик романтического мировоззрения в целом, это, разумеется, не означает, будто каждый мыслитель, принадлежавший романтической социально-философской традиции, обязательно конструировал некие утопические образы идеального общественного состояния. Утопическая тенденция заложена уже в исходной социальной позиции романтики, в присущем ей негативизме в отношении общественной действительности и в противопоставлении ей идеала.

Теперь вернемся к социально-экономической утопии. Представителей этого направления в первую очередь объединяет критическая направленность работ, стремление нарисовать картины более справедливого общества. Следует отметить, что идеи и представления первых социалистов во многом носили декларативный и утопический характер, как, впрочем, и более поздних их последователей — «научных» социалистов. Выше была рассмотрена идея утопии как таковой, дан краткий генезис этой идеи, начиная с античной и средневековой утопии к романтической. Мы выяснили, что утопия даже если она и несет в своем основании некие сциентические основания, не перестает быть таковой в силу невозможности фактической их реализации.

Рассмотрим несколько подробнее взгляды наиболее известных идеологов социально-экономической утопии на современное им общество и черты видевшегося им будущего общественного строя.

Обращают на себя внимание идеи Жанна-Шарля-Леонарда Сисмонда де Сисмонди (1773–1842), ученика и последователя А. Смита, историка, автора 31-томной «Истории французов». Однако его экономические взгляды претерпели эволюцию под влиянием последствий одного из первых промышленных кризисов (1815–1817), его поразили невиданный размах безработицы, разорение мелких ремесленников, банкротство предприятий, бунты рабочих против машин. Сисмонди приходит к парадоксальному выводу: «...Труд наемных рабочих вытесняется машинами. Совокупный спрос на выпускаемую продукцию падает. Рабочих увольняют, потребление сокращается, а машины, не зная никаких потребностей, не предъявляют спроса»¹⁹. Предприниматели стремятся сохранить свои доходы в период кризиса. При падении спроса продолжают выпуск товаров, конкуренция заставляет их экономить не только на вещах, но и на людях. Сисмонди подверг резкой критике экономическую систему капитализма, при этом он критически выступил против представителей классической школы, начав полемику со своим учителем, взгляды которого до недавнего времени полностью разделял. Позицию Сисмонди можно выразить в его известном восклицании: «Как? Богатство — все, а люди ничто?».

¹⁸ Мангейм К. Идеология и утопия // Утопия и утопическое мышление. М., 1991. С. 113, 147.

¹⁹ Сисмонди Ж. С. Новые начала политической экономии. М., 1936.

В своей социально-экономической теории Сисмонди выдвигает следующие положения: во-первых, главное, чтобы произведенный продукт нашел сбыт, был реализован, т. е. нашел своего потребителя. «Расширение производства, — писал Сисмонди, — не имеет смысла, если не решается проблема рынков, если не повышаются доходы и снижается потребление населения»²⁰. Он также отметил, что «нация может разориться и от того, что тратит слишком много, и от того, что тратит слишком мало»²¹. Нельзя тратить слишком много, потому, что будут проедены запасы, выйдет из строя оборудование, не восстановятся капиталы. Но нельзя тратить и слишком мало, тогда продукт не находит сбыта, сокращается производство, рабочие становятся пауперами, растет число безработных. Во-вторых, по наблюдениям Сисмонди, спрос не следует автоматически за предложением, он отстает от предложения и сдерживает рост производства. Сисмонди полагал, что частный интерес не образует общего интереса, как это постулировали представители «классической» школы, таким образом он подверг сомнению основополагающий принцип «laissez faire». «Интересы общества, — полагал Сисмонди, — должны определяться соображениями, которые не зависят от частного производителя»²². Правительство должно вмешиваться в ход экономических событий, чтобы регулировать беспорядочный рост промышленности и сдерживать погоню за богатством. Оппонируя А. Смиту, Сисмонди отмечал, что капитал предназначен для того, чтобы привести в движение труд, все источники народного дохода проистекают из труда. Употребление же богатства в виде капитала должно быть направлено на то, чтобы применить труд. Рост производства, если одновременно увеличивается число бедняков и безработных, не может служить показателем богатства. В-третьих, по мнению Сисмонди, жизнь не подтверждает положений классиков об автоматическом приспособлении спроса к предложению: «Воздержимся от этой опасной теории равновесия, которое восстанавливается само собой... Правда, со временем некоторое равновесие восстанавливается, но путем невероятных страданий»²³. И, наконец, в-четвертых: в падении спроса «виноваты» машины, несколько машин стали делать работу тысячи людей. «Технические нововведения до сих пор причиняли крупные убытки нации, — писал Сисмонди, — вызывали сильное уменьшение дохода и, следовательно, потребления»²⁴. То, что делают машины, отнимается у рабочих, сокращается число производителей, снижается число занятых, обостряется конкуренция между рабочими, и потому падают заработки.

Понятно, что теория недопотребления Сисмонди построена на несколько ошибочном представлении, будто весь спрос — это лишь потребительский спрос. Хорошо известно, что наряду с потребительским существует и инвестиционный спрос: с появлением в производстве машин расширяется спрос на оборудование, металл, энергию. Производство промышленных машин создает особый рынок, кото-

²⁰ Там же. С. 278.

²¹ Там же. С. 281.

²² Там же. С. 294.

²³ Там же. С. 299

²⁴ Там же. С. 306.

рый существует параллельно с потребительским. Как мы можем видеть, Сисмонди расстался с иллюзиями универсальной экономической свободы, но его идеи не составили новой или хотя бы обновленной социально-экономической теории, это по большей части голос протеста, как это было у романтиков и некоторых других интеллектуальных представителей европейского общества. Его предложения и выводы во многом утопичны и эмоциональны, а часто и слабо аргументированы. Сисмонди в своих работах, как и его современники-романтики, идеализировал прошлое, находил в нем истоки гармонии.

Как уже говорилось выше, зарождавшийся капитализм начала XIX в. породил и острые коллизии в обществе. Еще один представитель утопической мысли Анри де Сен-Симон (1760–1825) был не только выдающимся философом, мыслителем, историком и экономистом, но и прожил весьма авантюрную жизнь. Потомственный аристократ, активный участник войны за независимость в Северной Америке, хозяин роскошного парижского салона, крупный финансовый спекулянт и автор грандиозных проектов и ярких публицистических трактатов, к концу жизни разорился и стал практически нищим, продавшим все вплоть до одежды, чтобы «иметь возможность переписать свое сочинение».

Сен-Симон попытался отыскать причины, лежащие в основании общественного и исторического процесса. В отличие от Сисмонди он не идеализировал прошлое, призывал не смешивать «пережитки прошлого» и «зародыши будущего», но, так же как и он, стремился найти пути преодоления острейших социальных и гуманитарных коллизий, порожденных становлением капитализма, найти пути перехода к более совершенной социальной организации. Сен-Симон полагал, что общественный и социальный прогресс основан на экономической силе банкиров и промышленников, а также созидательной деятельности ученых. Основываясь на такого рода представлениях, он выступал как проповедник индустриализма, понятого им весьма своеобразно: в системе индустриализма Сен-Симон видел путь к постепенному совершенствованию общественных отношений, путем реформирования общества. Систему выдвинутых им социальных и политических предложений именуют «индустриальной параболой» Сен-Симона. В обществе, по мнению Сен-Симона, «существуют две группы людей — пчелы и трутни, работники и бездельники. Первые — основа общества. От вторых нужно избавляться»²⁵. Если общество потеряет своих главных промышленников, ученых, банкиров, нация превратится в безжизненный организм, считал Сен-Симон. Управлением должно заняться экономическое правительство, оно сменит политиков и вместо управления людьми станет управлять вещами, и тогда политическая экономия займет свое истинное место. От идей, выдвинутых Сисмонди и Сен-Симоном, можно протянуть цепочку к современным теориям постиндустриализма. Идеи первых социалистов во многом опирались на теоретические положения, выдвинутые Д. Рикардо, вместе с тем они содержали критику исходных постулатов классической школы.

²⁵ Сен-Симон А. Избранные произведения. Т. 1. М., 1948. С. 364.